

ДРУГОЙ СОСТАВ

Кажется, судьба дала ему второй шанс.
Но у этой доброты — другой состав.

АЛЕКСАНДР
СКИДАНОВСКИЙ

Александр Скидановский
Другой состав

«Автор»

2026

Скидановский А.

Другой состав / А. Скидановский — «Автор», 2026

У школьного физрука Александра жизнь и так не сахар: зарплата смешная, коллеги таскают мебель, дети знают всё, а цветочные горшки внезапно превращаются в орудие почти преступления. Зато именно этот нелепый случай приводит его к Евгению — человеку с фазендой, собаками, бездомными помощниками и кормом под названием «Другой состав». Дальше всё развивается почти по-житейски: новая работа, магазинчик у дома, развозки, разговоры за фасовкой, собаки, баня, самогон, волонтёры и обычная провинциальная жизнь. Пока одна экспертиза не показывает, что в этой жизни есть слой, который лучше бы не вскрывать. Бытовая комедия незаметно превращается в социальный триллер, а смешное — в страшное.

© Скидановский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Горшок	6
Глава 2. Отпуск длиной в год	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Скидановский

Другой состав

Другой состав

Александр Скидановский

Эта история, потрясшая в своё время весь Калининград, да что там Калининград — всю область, и даже не область, а любого человека из любой области, который, услышав эту историю, переспросит: да ладно, правда, что ли? И, не поверив, начнёт искать в газетных подшивках, чтобы убедиться своими глазами. А найдя, перестаёт и этим своим глазам верить. Потому что поверить в такое, конечно же, сложно. Да и в газетах и по телеку, кстати, не особенно распространялись. И понятно почему. А меня, непосредственного участника события, обязали в местах, где люди дают такие обещания, молчать и никому ни-ни...

А то смотрите... Не ребёнок же, вы сами понимаете. Ну вот я молчал-молчал, а внутри меня все эти годы так и распирало — это ведь я там был и всё, так сказать, видел. И вот, не выдержав, я продлил свой просроченный загранпаспорт, продал через Авито накопленное барахлишко, уволился с последней работы, вздохнул счастливо и прощально и отбыл за границу. Здесь я никому ничего не обещал, так что смело, ну почти смело, расскажу обо всём. Кстати, на всякий случай: все люди, совпадения и прочее — это всё не так. Итак, здравствуйте, мы с вами знакомы, если вы читали ту первую мою книжку «Махаон».

А если не читали, то и слава богу, потому что от неё одни проблемы получились. А всё из-за того, что я дурак там только правду одну написал... Думал, так интереснее и жизненнее будет. Больше так делать, конечно, не буду. Поэтому всё, что написано здесь, чистое не враньё, совпадения — выдумка, и людей таких, включая автора, на свете нет и не было. Возможно и не будет. Ну а может, мы с вами ещё кое-где встречались. Если вы сами или ваши отпрыски бывали в школе, в той, где я работал. Меня там все знают как физрука. Так и говорят: вон наш физрук идёт.

Хотя на физрука я не очень-то и похож. Внешне. В смысле спортивный костюм с лампасами, свисток и недовольный голос — всё это есть. Даже есть общее, что объединяет всех физруков города, да чего там города — всей необъятной нашей. Но про это я потом расскажу. Сперва про вот эту новую книжку. Как известно многие известные писатели создавали свои произведения, сидя за решёткой. Сервантес, например, писал про Дон Кихота, сидя в тюрьме. Я, видимо, тоже стану популярным литератором, так как задумал и пишу свою книжечку сидя в полиции.

Пишу — в смысле в голове сочиняю... А где я буду дописывать эту главу, ещё неизвестно... Но давайте всё по порядку.

Глава 1. Горшок

Значит, история эта началась в школе города К. — в кабинете английского на третьем этаже. Почему в школе? Потому что все истории, как известно, начинаются со школы. В смысле — с детства. Началась она, как и положено всем историям, прямо с утра. Обычного утра школьного учителя, которое получилось не очень добрым. Во-первых, потому что-то утро было дня понедельника. А во-вторых, потому что я сегодня с утра этого понедельника нечаянно убил человека. И вот уже время далеко после обеда, а я сижу в отделении полиции, правда, пока не в камере, а на стуле в кабинете.

Сижу и жду следователя. Он вышел. И пишу в голове эти строчки. Чтобы как-то отвлечься. А ещё думаю — неужели это всё со мной сейчас по правде происходит. Полиция. Следователь. Решётки вон на окнах кабинета. А кабинет точь-в-точ как у наших завучей: так же стол завален бумагами, стулья такие же, разномастные, старые и просиженные... Стены в следах скотча от приклеенных приказов и календарь за прошлый год. Под столом гудит компьютер. А молодой мужчина-следователь, взяв с меня объяснения и показав, где расписаться, молча встал и вышел.

Вернее, сказал: посидите. Вежливый такой и на вы. Посидеть теперь, я так понимаю, точно придётся... Вопрос вот сколько. Куда он, кстати, пошёл? За конвоем, может, или как тут у них всё происходит. В фильмах-то показывают, как убийцу задерживают: его обычно неаккуратно укладывают лицом в пол, руки заламывают, наручники щёлкают, камера показывает красную испуганную физиономию преступника, а молодеватый голос полицейского откуда-то сверху строго говорит: всё, что вы ни скажете, может быть использовано против вас в суде или что-то такое.

Если фильм заморский... Если дело у нас, то всё проще — просто мордой в пол, ну и ещё ногой в эту морду добавят, конечно. А я вот сижу на стуле рядом с окном. И мордуленция моя пока ещё в порядке и смотрит в окно. А за окном недостижимая теперь свобода. Шум улицы, и я вон в стекле окна отражаюсь, и как будто со стороны вижу себя в этом кабинете. А через полчаса, наверное, буду сидеть в камере с серыми бетонными стенами и нарами. И с зеками. А у меня опыта в этих делах ну никакого. Знал бы так прислушивался в своё время к некоторым учащимся, запомнил бы мож что полезное. Как там говорят- Вечер в хату, или просто здрасте арестанты, нет уж лучше помолчать. А всё началось с дурацкой моей неусидчивости. Нет урока по расписанию — так и сиди спокойно в тренерской, заполняй элжур, мячи накачай, дел-то тысяча.

Нет, идиот пошёл шорохаться по коридорам школы. И естественно, сразу попался. На глаза. Кому-кому — коллегам, которые что-то таскали. Кто такой мужчина в школе? Правильно, мужчина — это грузчик. Он перетаскивает всё, что его попросят коллеги-учителя. И даже если не попросят, то не будешь ведь ты смотреть, как они перетаскивают из кабинета в кабинет что-то из мебели. Хошь не хошь, а если попался им на глаза в такой момент — иди помогай. В этот раз освобождали кабинет английского. Две учительницы пытались вынести тумбочку через дверь. Работа несложная, если не учитывать, что тумбочка была ровесницей учителей и, если бы не была обмотана скотчем, должна была развалиться лет ещё двадцать назад.

Но донести её надо было в полной сохранности. Общими усилиями, обняв как любимое дитя, мебель перенесли. Потом были цветы. У англичанки цветов было больше, чем в ботаническом саду. Она их охраняла, рассаживала и снабжала ростками все кабинеты. Любовь некоторых педагогов к чужим предметам, как, например, пристрастие англичанки к флоре и фауне, ещё надо изучать. Ботаничка у нас, к слову, была совсем равнодушна к любым языкам, кроме

русского, на котором общалась без особых премудростей, но зато громко. И, кстати, любила петь...

Пела она себе под нос, вернее, напевала какие-то свои мотивы, и мы к этому давно привыкли. Так что многие учителя в школах занимают не свои кабинеты. Вот что объединяло всех почти педагогов в нашей школе, так это не очень большая любовь к детям. Но это было понятно почему. Хотя бы потому, что детей много, а всего, что много, мягко говоря, в переизбытке, любить невозможно. Когда их немножко, то пожалуйста... Милые наши крошки... какие вы милые, когда вас мало или совсем нет. Кабинет, куда переезжала англичанка, был уже заставлен сдвинутыми партами, шкафами и наваленными на них наглядными пособиями. Я подвинул мебель в кучку и освободил проход к окнам.

Цветы заносили самые безотказные дети школы — третьеклассники, и на вопрос, куда ставить горшки, я им сказал: ставьте на подоконники. Похозяйничал идиот. Когда в очередной раз дверь открылась, то распахнутое окно в соответствии с законом физики закрылось. С размахом причём. И два горшка, стоявшие на подоконнике, не остановили движение большой створки школьного окна. Горшки, кувыркаясь, полетели вниз. Третий этаж. И в кого-то попали. Потому что звук такой был... Характерный. А потом крик. Убили... Это наша уборщица кричит, тётя Таня.

Она на улице листья подметала с утра. Она всегда, если что, кричит. Правда, вот что «убили» — это я впервые слышу. Не дыша выглянув вниз, я увидел мужскую фигуру на школьном асфальте с раскинутыми руками-ногами, а вокруг головы этой фигуры тёмное пятно от земли. Рядом зелёное от растений и круглое от жидкости... Видимо, вытекшей из головы. Фигура лежала как морская звезда, и мне почему-то проклятое воображение сразу фигуру куда-то дело, а контуры её очень чётко обрисовало мелом. Как на местах преступлений делают. Что сверху особенно гармонировало с нарисованными рядом детскими рисунками на школьном асфальте.

Ну а потом что, потом была скорая, был шум, крики, беготня. А я на слабых ногах, добравшись до первого этажа, объяснял директору и столпившимся коллегам, что поставил горшки с цветами, не подумав, на подоконник. То, что это дети по моей указке сделали, не стал даже объяснять. Ну и сквозняком окно закрылось... А мужчина этот несчастный проходил мимо... Хорошо, что ребёнка ещё не зашибло... Хотя что хорошего. Этот мужчина тоже ведь был когда-то ребёнком. Чёрт его дёрнул ходить тут прямо под окнами в этот вот момент.

Все коллеги тут прямо заголосили, что да, правильно, надо в конце концов оградить школьный двор от посторонних. Как будто это могло что-то теперь изменить. Директриса сумрачно качала головой, на меня старалась не смотреть, и на лице её было написано что-то вроде: этого я от него и ожидала... А потом сказала: всё равно придётся в полицию звонить. Человек-то погиб вроде. Скорая прямо быстро-быстро его увезла. И повернулась идти в кабинет, звонить, значит. Но полиция, правда, приехала ещё до звонка директора.

Видимо, со скорой сообщили сами. Прибыли они в количестве двух сотрудников в форме, неожиданно появившись в дверях школы. Коллеги, столпившиеся в кружочек и сочувственно выслушивавшие меня и друг друга, при виде полиции замолчали, сделали несколько шагов назад и, расступившись, оставили меня, понуро смотрящего в пол, в центре. В общем, обозначили преступника. Полицейские, быстро сориентировавшись, загрузили меня на глазах у всей школы в машину к себе. Я на прощанье оглянулся на родные стены... Десять лет как никак тут провёл...

Теперь следующие десять в других стенах... А где хуже или лучше будет, кстати ещё вопрос. Отдых говорят это смена обстановки. Все окна трёх этажей были в детских лицах. Радостных особо я, правда, не увидел, но и не сильно расстроенные, их можно понять — процесс всё ж таки пошёл. Одного уводят. Из коллег, столпившихся во дворе, особо сочувствовала уборщица тётя Таня. Будь она неладна, если б не заорала, глядишь, и обошлось бы, может. Не

заметил бы никто, ну лежит там что-то и лежит. Мало ли... Листьями бы быстро занесло — осень как-никак... Но вот я здесь. В полиции.

А тот несчастный в больнице или, скорей всего, на небесах. Тут мои мысли прервала дверь кабинета, которая распахнулась, и внутрь заглянула какая-то физиономия, пошарила глазами и, не найдя никого, скрылась обратно за дверью. Меня как будто не увидела. Нет, увидела, так как опять дверь открылась и физиономия посмотрела на меня. Как-то странно посмотрела. Такой взгляд я встречал только у врача-психиатра, когда справку на водительское приходишь получать или на медосмотре. Смотрит этот психиатр как бы не моргая и абсолютно без эмоций.

А ты сидишь и не знаешь, как с этим врачом себя вести. Улыбнуться, пошутить что-то, наверное, не стоит. Сидишь с серьёзным видом и молчишь. Ну так вот эта физиономия посмотрела, подумала и спросила всё-таки:

— Ковалёва нет?

Кто это Ковалёв, бог его знает, но здесь его сейчас точно нет. Я так и сказал:

— Нет.

Физиономия ещё раз меня оглядела, как бы говоря: ну если соврал, то я тебя запомню, и исчезла. Ковалёв — это, наверное, фамилия следователя. Он мне как-то представился в самом начале, но я после слов «буду вести ваше уголовное дело» перестал что-то запоминать ненадолго.

Как оглушило. О, вот и он. Зашёл и опять молча за стол уселся, вид озабоченный. Сказать ему или нет, что его спрашивали? Лучше помолчу. Тут этот Ковалёв, откашлявшись, поднял на меня глаза и немного торжественно сказал:

— Ну что, Александр Владимирович. Поздравляю. Покойник ваш убиенный крепкий оказался. Не умер, даже травмы нет. Сотрясение только. Горшок, слава богу, пластиковый, а не керамический. И не кровь это была, а вода грязная, с ржавчиной, наверное. И к вам он претензий не имеет. Даже попросил, чтобы мы отпустили человека. Ну, вас то есть.

Я с ним сейчас разговаривал по телефону. Так что вы свободны. Будьте, пожалуйста, внимательны в следующий раз. А то видите, как может повернуться. Ну и к пострадавшему, наверное, понимаете, что сходить надо. В больницу. Поблагодарить. А я сидел и слушал этот райский голос... Господи, есть ты всё-таки... Я не буду доживать свой век в тюрьме. Господи, беру все свои слова плохие обратно. Весь мир и жизнь, что ты сотворил второпях за неделю, получилась прекрасная. Меня пока всё устраивает. Я встал, попрощался с Ковалёвым и вышел на улицу. И только там вдохнул полной грудью.

Оглянулся на крыльцо полицейское — и чувство, что как будто освободился после длительного срока. Ноги сами быстро быстро понесли в сторону от отделения. Куда сейчас? В больницу к пострадавшему этому надо ведь. Тут, кстати, недалеко — пару остановок. А излишки адреналина с кортизолом поглощаются при интенсивной ходьбе. Видимо, это правда, так как я разогнался и чуть не проскочил поворот к БСМП. Пробравшись среди путаницы машин скорой помощи и навороченных джипов, видимо, медперсонала, я попал в приёмное отделение.

Через пару минут пребывания я понял, что здесь чего-то не хватает. Потом дошло — нужна большая вывеска сразу над входом, и там любым шрифтом крупно: здесь вам не рады. Чтоб сразу было понятно. Фамилию пострадавшего мужчины я не знал, и в регистратуре нервным девушкам мне пришлось рассказать всю эту историю с горшком цветочным и полицией, которая отпустила, ещё пришлось что-то соврать, что, мол, только сюда отпустили прощения просить. В общем, надавить на какие-то струнки жалобные получилось, и я был отправлен на третий этаж, палата номер 9. Поднявшись по лестнице и подивившись путанице коридоров и дверей, я заблудился — коридоры расходились лабиринтом, а спросить было не у кого.

Я остановился около большого вестибюля, где был лифт, и лифт звякнул, остановившись на моём этаже. Спрошу у приехавшего. Но спросить не получилось, так как приехавший был

мёртв. Ей-богу, в лифте стояла каталка с накрытым синей простынёй трупом. И никого больше. Чё за дурдом. Тут дверь с лестницы этажа открылась, зашла санитарка и, зевнув, взяла эту каталку с синим покойником, повезла её по коридору. Я побыстрей пошёл в обратную сторону. Говорят, что встретить покойника — это к счастью. Ну его, такое счастье. Наконец догадался почитать вывески: так, травматология, стрелочка вперёд. И рисунок: человек на костылях. Стали попадаться и настоящие живые больные на костылях, показали, где палаты.

На всём этом этаже был жуткий запах. То ли гноя, то ли чего-то от больного когда-то отрезали и куда-то этот кусочек закатился... И если ароматерапия существует, то вылечиться здесь было невозможно. Палата номер 9 была огромная, в три окна и в три ряда кроватей. Над кроватями торчали перевязанные конечности. Где мой-то? Я негромко поздоровался и пошёл между рядами. Человек с перевязанной головой был только один. Лежал прямо посредине палаты, и на меня все с любопытством уставились. Человек спал. Тумбочка рядом с его кроватью была пустой.

Там сиротливо стоял белый пластмассовый стаканчик с водой, и всё. У других больных тумбочки ломились от яблок и бутылок с минералкой. Купить что-то я не додумался. Я постоял, всматриваясь в лицо. Мужчина лет непонятно сколько, как я, наверное. Весь верх головы перемотан, как у мумии, бинтами. Виден один глаз и толстоватый нос с горбинкой. В очках ходит, наверное. Интеллигент, короче. Будить было неудобно, да и незачем. Пусть отдыхает.

— Давно спит? — шёпотом спросил я его соседа, молодого парня с ногой в гипсе.

— Да как привезли, — весело и громко ответил он. — А ты родственник его? А то коридорная просила, как родня появится, чтобы к ней подошли.

— Нет, я не родственник, я тот, из-за кого он здесь... Я со школы. Учитель.

Парень с интересом уставился на меня:

— А он родитель ученика вашего, что ли? — перешёл он сразу на вы.

— Нет, он просто прохожий, несчастный случай. Вы ему скажите, пожалуйста, что я заходил. Проведать и извиниться. Я ещё приду.

Парень пожал плечами:

— Скажу, конечно.

И я с облегчением пробормотал спасибо и повернулся, чтобы удалиться. На прощание зачем-то кинул взгляд на спящего.

Спящий не спал, по крайней мере один глаз был открыт и смотрел с любопытством на меня. Я засмутился и поздоровался:

— Извините, я разбудил, наверное. Я тот самый учитель, из кабинета которого цветок упал на вас. Простите за это бога ради. Надеюсь, у вас ничего серьёзного?

Лежачий человек неожиданно резко сел и протянул мне руку.

— Евгений, — дружелюбно сказал он.

Крепкое рукопожатие показало энергию и темперамент.

— А вы там учителем?

— Да, — со вздохом ответил я.

Я почему-то в последнее время стал вздыхать, когда говорю про свою профессию.

— Наверное, физруком?

— Да, — ответил я растерянно. — А как вы догадались?

— А у вас свисток на груди висит.

Я схватился за грудь, и правда висит. Так к нему привыкаешь, что сколько раз позорился, домой с ним топал. Через магазины конечно.

Он улыбнулся.

— Дедукция. Раз свисток значит физрук. С головой у меня, как видите, всё в порядке, не переживайте. От вас-то полиция отстала? Я им звонил сегодня, несколько раз. Мне тут

сказали, что вроде учителя арестовали со школы, вот я им и давай названивать. Причём тут учитель... Я же кстати видел детей в окне с цветами. Это вы из благородства на себя вину, наверное, взяли, да?

Он с любопытством уставился на меня. Я смутился ещё больше и залепетал что-то, что дети по моей указке цветы на подоконник ставили и это целиком моя вина.

Потом мы помолчали.

— Я, наверное, пойду, вам отдыхать надо. Я вас ещё проведу, если вы не против. Сегодня извините, я с пустыми руками, как-то не успел. Что вам принести?

Евгений оживился:

— Если не сложно, принесите мне из моей машины телефон. Он в салоне остался, а ключи вот.

Он протянул мне брелок.

— Машина «Каддик», около вашей школы стоит. На стоянке.

Я с удовольствием согласился:

— Да, конечно, сейчас на автобус и через полчаса там буду, потом ещё полчаса — и здесь.

— Да вы на нём езжайте, — он удивился. — Зачем пешком ходить. Или вы не умеете?

В общем, через полчаса я был за рулём почти нового «Фольксваген Каддик», двухместного, с закрытым кузовом автомобильчика. Внутри был обычный беспорядок водителя, целый день живущего в машине. И остатки еды в пакете. И пустая бутылка, и фантики, и прочий мусор. Телефон Евгения был подключён к зарядке. Старый айфон. В кузове был сильный запах кормов для животных, лежали какие-то мешки. Запарковавшись, я опять поднялся с телефоном в руках. Евгений уже сидел на кровати и зашнуровывал кроссовки.

— О, спасибо, — он взял телефон и, бегло просмотрев его, обратился ко мне: — Александр, а можно ещё одну услугу? Вы меня отсюда не могли бы отвезти? Мне край как надо сегодня дома быть, а они вот ни в какую не пускают. Но я всё равно уйду, а вот сам что-то побаиваюсь за руль пока садиться... Голова немного кружится. А я вас назад на такси отправлю, идёт?

— Конечно, конечно, — поспешил я согласиться.

Человек меня от тюрьмы, можно сказать, спас, и тут просто отвезти, такой пустяк. Потом всё-таки сказал ему: Евгений, но вам-то для здоровья, может, стоило понаблюдать тут пока?

— Может, и стоило, — вздохнул он. — Да у меня хозяйство большое, не оставишь, чтобы всё нормально было. Я пойду с врачом утрясу вопросы, а вы меня в машине тогда подождите.

Он пошёл по коридору, а я спустился вниз. Ехать нам пришлось почти по дороге через школу. Евгений жил где-то между Ладушкиным и заливом. По дороге он извинился и сказал, что по телефону нужно поговорить: все потеряли за полдня, и действительно не отрывался от трубки до самого конца дороги. Только показывал направление, куда ехать. Судя по разговорам, он был предпринимателем. Поставщиком кормов для животных.

Вот почему и запах в машине. Перед Ладушкиным мы свернули к заливу и, попрыгав по ухабистой дороге через поле, выехали к самой воде. Дорога шла по старой ещё немецкой брусчатке куда-то в лес и наконец упёрлась в ворота. Забор был сделан из сетки-рабицы, а калитка и ворота — из металлического профиля. За забором было видно какое-то строение, а за ним ещё одно. В воздухе раздавался собачий лай как минимум от десятка собачьих глоток.

— Заезжаем прямо внутрь, — он махнул рукой в сторону ворот, нажал на пульт, и ворота плавно поехали в сторону.

На звук подъехавшей машины из строения вышел какой-то типчик с морщинистым лицом. Типичный бродяга. Одет в грязную робу с рюкзаком каким-то. И в бейсболке с таким огромным козырьком, что всё лицо спрячешь. Евгений вышел из машины и сказал:

— Палыч, привет, как дела? Там корма в машине заberi на склад. Приезжал днём кто, нет?

Палыч замотал головой, что-то промычал и, махнув рукой, медленно пошёл к задней двери «Каддика». Тут я увидел, что это не рюкзак у Палыча, а просто у человека горб. Ну что ж, бывает. Я вышел из машины и с любопытством огляделся. Территория фазенды, как назвал её Евгений, была немаленькой, располагалась на опушке небольшой рощи рядом с большим пустырь-полем.

Дальнего конца по линии забора даже не было видно. Вдоль секций забора росли в два ряда деревья, судя по всему яблони. Виднелись ограждения вольеров, крыши невысоких строений, что-то строящееся и бревенчатый сруб, видимо, бани, которая ещё и топилась, судя по дыму из трубы.

— Палыч, а ты чё баню затопил? — спросил Евгений. — Александр, — он обернулся ко мне, — вы баню уважаете? Мне-то нельзя сейчас вроде, а Палыч затопил по привычке. Я по понедельникам париться привык, так что не стесняйтесь, баня отличная, липовая.

И простыни одноразовые есть. Я замотал головой: спасибо большое, но что-то нет, перенервничал сегодня с этой историей. Так что спасибо, нет. Ну ладно, Евгений достал трубку и начал копаться в телефоне:

— Вам куда такси надо?

Тут я стал ему объяснять, что такси дорого будет, а тут наверняка есть остановка автобусная. Но Евгений даже слушать не захотел.

— Машина приедет через полчаса, — сообщил он. — Пойдёмте хозяйство моё посмотрите.

Хозяйство, как кратко рассказал мне сам хозяин, состояло из линии по производству кормов, открытых и закрытых вольеров и нескольких щитовых строений.

В общем, питомник для животных. Ну ещё баня с коптильней и небольшим мясным цехом. Рядом вагончик-рефрижератор. И строящееся помещёние для цеха. Сама линия стояла пока во временном строении. Да и сама была временной. Сам Евгений жил в небольшом трейлере на две комнатки.

— Мне хватает, — улыбнулся он. — Я один, семьи нет, так что хоромы не нужны.

Собачий лай, что я услышал на въезде, скоро разъяснился. Третья часть территории фазенды была разделена на небольшие дворики-вольеры с загончиками. Во двориках гуляли разнокалиберные собаки. Именно гуляли, а не носились и не бросались на забор при виде людей.

Стандартных клеток я не увидел.

— Моё хозяйство, — вздохнул Евгений. — Ни поболеть, ни передохнуть с ними, — ворчливо добавил он. — Так вот кирпич на голову вместо горшка упадёт, и что с ними делать, не знаю... Буду с того света смотреть и переживать — короче, ни здесь, ни там покоя нету...

Тут он открыл калиточку, и собаки со всего дворика, штук пятнадцать, радостно побежали к нему. Он присел, и мохнатая туча облепила его. Хвосты у этой кучи были снаружи, а морды точно в центре, где и был Евгений.

— Ну хватит, хватит, — раздался голос из центра собачьего клубочка, и показалось довольное лицо Евгения.

Он выпрямился и с улыбкой повернулся ко мне:

— Вот, лучше всех таблеток. Так вот посюсюкаешься с ними, и вся хворь пройдёт. Вот голова уже и не болит вроде.

Тут раздался автомобильный сигнал.

— Такси, видимо, ваше приехало, — сказал Евгений. — Пройдёмте, провожу.

По дороге он шёл, отряхиваясь от собачьей шерсти и всё благодарил меня, что я его довёз, и вообще вёл себя так, как будто не от моих рук сегодня он пострадал, а как будто я ему невесть какую услугу сделал. Ещё раз сказав спасибо друг другу и потряхивая рукопожатием, Евгений, спохватившись, спросил:

— А у вас-то питомцы есть? Я сказал, что нет. И, увидев его изумлённый взгляд, добавил, что у сестры есть и собака, и кошки.

— Ну тогда корм наш попробуйте, дегустация, так сказать.

Я опять начал объяснять, что дома у меня корм пробовать было некому, но Евгений всё-таки сбегал и принёс пакет килограмма на два и всучил мне его.

— Найдёте кому, — сказал он. — Сестре отдадите. Ну, счастливо, заезжайте, если что.

Таксист по дороге, коверкая русские слова, сказал:

— Дядечка хороший, всех собак больных, брошенных принимает. Я сюда уже возил к нему. Зачем только это ему, непонятно. На шаурму, мож, откармливает, — таксист усмехнулся мне в зеркальце. — Собаку или кота сюда можно привезти, если некуда девать. И денег можно не платить, если не хочешь. Он сам всех кормит. И лечат здесь их. А ещё тут бомжи живут у него. Он им документы помогает восстанавливать, короче, добрый дядечка.

Дорога была долгая, начиналось время вечерних пробок, и я всё это время потратил, слушая версии таксиста, зачем кому-то нужны брошенные собаки, брошенные люди и размышлял о превратности судьбы: что было бы, если б школы были побогаче и завхоз закупила вместо пластиковых глиняные горшки для цветов. И какие интересные встречи с людьми случаются с помощью сквозняков и англичанок. Евгений мне этот очень показался симпатичным человеком. Добравшись до дома, я весь вечер красочно описывал свои зловключения в соцсетях и думаю, что горшки с цветами в этот вечер перекочевали с подоконников на более безопасные места во многих домах и квартирах.

Глава 2. Отпуск длиной в год

С самого утра, хоть понедельник остался позади, мои злоключения продолжились. В-первых, в школе все были убеждены, что я уже побитый и в наколах изучаю тюремный жаргон. И, увидев меня утром в фойе школы, коллеги, естественно, подумали, что я таки сбежал и меня, видимо, придётся сейчас или ловить, или прятать. Короче, опять с этим физруком проблемы. Поэтому предложение директора отправить меня в длительный отпуск все в администрации школьной восприняли положительно. Отпуск такой, длиной в год, положен всем учителям, кто отработал без перерыва в школе десять лет.

Он, конечно, не оплачивался, и поэтому этой сомнительной привилегией редко кто пользовался. Директор, усадив меня напротив, вздохнула и сделав участливое выражение лица, сказала:

— Александр Владимирович, дорогой, мы вас, особенно я, очень ценим как учителя и человека. Но вы меня правильно поймите, мы вчера были убеждены, что мы вас как бы не скоро увидим, и нам пришлось оперативно договориться с заменой. Скажу вам по секрету — давно к нам просилась физрук-педагог, и я ей сообщила вчера, что вакансия открыта. И с департамента, — директор многозначительно задрала брови вверх, — тоже порекомендовали, так сказать, её взять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.